

Напольских В. В. (Ижевск)

Миф о нырянии за землёй (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя.

Почти двадцать лет назад автором данной статьи в диссертации, написанной под руководством Юрия Борисовича Симченко и опубликованной благодаря его неизменной поддержке (Напольских, 1991), была предложена этноисторическая интерпретация распространения в Северной Евразии и Северной Америке космогонической мифологемы о создании суши из кусочка земли, принесённой ныряльщиком (животным или антропо- / теоморфным персонажем) со дна первичного океана (далее – *миф о нырянии за землёй*, в случае с нырянием птицы – *миф о ныряющей птице*, МНП).

Было показано, что данный мотив имеет весьма древнее (как минимум – верхнепалеолитическое) северноазиатское происхождение, и было обосновано предположение о том, что в наиболее древнем его прототипе (обозначенном кратко МНП₀) сам образ ныряльщика (птица, млекопитающее, черепаха) не имел принципиального значения, а важнейшую смысловую нагрузку нёс успех последнего из нескольких ныряльщиков, который обеспечивался не физической, а особой сверхъестественной силой его. Сюжеты такого рода широко распространились в Северной Америке, и в большинстве продвинутых версий сохранили эту древнюю особенность, а конкретизация образа ныряльщика шла там в разных направлениях: в качестве такового могли выступать и птицы, и звери, и черепаха, и даже членистоногие (см. ниже).

Согласно предложенной гипотезе, в Северной Евразии уже в глубокой древности получили распространение специализированные варианты мифа о нырянии за землёй с птицами в основной роли, в которых старая идея об успехе последнего и более слабого ныряльщика была со временем реализована в противостоянии птиц типа гагары, нырявшей первой и неуспешно, и утки (разные виды уток, распространённый вариант – поганка, очень редко – гусь или лебедь), принесшей землю. Данный вариант мифа о нырянии получил краткое обозначение МНП₂. Такое распределение ролей «утки» (в кавычках, поскольку в реальных мифах могут выступать очень разные птицы) и гагары объясняется той ролью, которую эти птицы играли в космологических представлениях, складывавшихся, как предполагается более 6 тысяч лет назад, у племён Средней и Западной Сибири, прежде всего – у предков уральских народов, а также в какой-то мере и у их ближайших родичей по языку – юкагиров и у соседивших издревле с уральцами тунгусо-маньчжуров (возможность вхождения в эту общность, названную северноазиатским мифологическим союзом, САМС (Напольских, 1991, с. 119-122), какой-то части предков тюрков и сибирских предков американских индейцев также допускалась). Жившие в бассейнах крупных рек, текущих с юга на север, эти люди ассоциировали юг, верховья реки с верхним миром, миром небесных богов, а север, низовья реки – с нижним, миром злых духов и смерти. Особую роль в этой системе играли перелётные водоплавающие птицы (лебеди, гуси, утки), массовые миграции которых на юг воспринимались как путешествия в верхний мир, благодаря чему они могли выступать посредниками между людьми и небесными богами. Гагары же, жившие в низовьях рек и на морском побережье и мигрирующие на юг поодиночке, незаметно, воспринимались прежде всего как птицы нижнего мира, не наделённые божественной небесной силой.

МНП₂ и соответствующую ему картину мира было предложено рассматривать как прауральский, то есть реконструируемый для культуры носителей уральского праязыка, живших в 4-6 тыс. до н. э. в тайге Западной Сибири и Урала, космогонический комплекс, который затем распространился с ними (а также с тунгусо-маньчжурами и, вероятно, с рано заимствовавшими какие-то его компоненты тюрками) в Восточной Европе и Сибири.

Естественно, на любой стадии следует предполагать сосуществование наряду с продвинутой версией МНП₂ (и, ранее, МНП₀) упрощённого варианта с одним нырятьщиком (МНП₁). Этот последний вариант получил, в конечном счёте, самое широкое распространение, поскольку не требовал сохранения сложного объяснительного космогонического концепта, и легко мог быть заимствован в разные традиции (учитывая, в особенности, то обстоятельство, что творение земли посреди первичных вод является чуть ли не универсальным мифологическим мотивом). В общем виде изложенная здесь схема эволюции МНП представлена на рис. 1.

Для Восточной Европы была показана постепенная замена орнитоморфного нырятьщика тео- / антропоморфным: ныряние птицы по приказу бога – ныряние по воле бога дьявола, превращающегося в птицу или самого бога в виде птицы – ныряние чёрта в антропоморфном облике, но приносящего землю во рту (часто с последующим мотивом утаивания чёртом части земли во рту) – ныряние чёрта или бога в антропоморфном облике с принесением земли в горсти. Причём в ряде случаев было отмечено сохранение основной черты МНП₂ (противостояние гагары и утки) в мифах с нырянием антропоморфного чёрта или бога.

Эволюция сюжета мифа о нырянии на карте Европы обнаруживает очевидное нарастание с северо-востока на юго-запад: наиболее близкие сибирским МНП₂ «архаичные» мифы фиксируются у северных русских и у финно-пермских народов, а наиболее «антропо- / теоморфизированные», практически не содержащие следа участия птиц в творении – на Балканах. В связи с этим была предложена гипотеза о том, что проникновение МНП в Европу обязано прежде всего народам уральской языковой семьи, от которых данный сюжет был заимствован восточными славянами и другими их соседями, вошёл в раннее славянское народное христианство (прежде всего – древнерусское, и уже через него распространился у южных славян) и претерпел соответствующие изменения. При этом, поскольку большинство имеющихся у финно-угорских народов Европы вариантов мифа о нырянии, да и многие сибирские его варианты несомненно представляет собой народно-христианские сказания, не обнаруживающие особых черт, отличающих их от подобных сказаний болгар, румын, южных русских и др., предполагалось, что миф о нырянии вернулся к финно-уграм и народам Сибири через русское посредство и получил у них вторую жизнь уже в виде народно-христианских дуалистических легенд.

Предполагалась также возможность проникновения мифа о нырянии на Балканы и помимо русского посредства – с предками венгров и, возможно, другими группами центральноазиатского или сибирского происхождения (прежде всего – булгарами и другими тюрками), хотя имеющиеся венгерские варианты мифа и отсутствие реальных татарских и чувашских текстов не говорили специально в пользу этого допущения.

Изложенная здесь схема распространения МНП в Евразии была применена в качестве дополнительного аргумента для обоснования гипотезы о древнейших этапах происхождения народов уральской языковой семьи, об урало-западносибирской локализации уральской прародины с последующим распространением финно-угорских языков на запад, в Европу с ассимиляцией местного палеоевропейского и, частично, индоевропейского по языку населения. Эта гипотеза согласуется с данными лингвистики, археологии, физической антропологии и палеобиогеографии (помимо (Напольских, 1991, с. 92-121) см. подробнее (Напольских, 1997, с. 125-198)). Однако, расплывчатость мифологического материала, очевидно большая роль случайности и «человеческого фактора» в развитии мифологии, отсутствие в сравнительной мифологии методов верификации выводов, сопоставимых по надёжности с методами сравнительно-исторического языкознания, заставили автора в дальнейшем отказаться от продолжения изысканий в этой области. В целом моё отношение к предложенному направлению исследований было аналогично отношению к глоттохронологии: доказать достоверность выводов невозможно, всегда существует возможность альтернативного объяснения (в случае с мифологией, например – возможность спонтанного параллельного возникновения близких сюжетов), но, в случае, если наши выводы могут получить историческое наполнение и в рамках исторической гипотезы

взаимно подкрепляются данными других наук, они могут быть использованы как дополнительный аргумент.

Однако, возвращаясь теперь после почти двадцатилетнего перерыва (о причинах, побудивших меня к этому, см. ниже) к мифу о нырянии за землёй, приходится констатировать, что в основном наша старая гипотеза оказалась вполне жизнеспособной, и полученные за эти годы данные не только не противоречат ей, но, напротив, подтверждают основные её положения.

Во-первых, в нашем распоряжении оказались мифы, в точности заполняющие лакуны, имевшиеся ранее. К сожалению, зачастую качество публикаций не позволяет с достаточной точностью поместить сюжет в нашей классификации, но тем не менее, ряд примеров вполне показательны. Прежде всего – это северноселькупский МНП₂, опубликованный в (Пелих, 1998, с. 68):

“*Нум велел Моче-бо нырнуть на дно моря и достать утонувшую землю. За это Нум обещал гагаре (Моче-бо) снова сделать его человеком. Моче-бо нырнул на дно моря, нашёл землю, но не смог поднять её на поверхность моря. Тогда Нум послал за землёй утку. Она тоже не смогла поднять землю. Но утка догадалась отломить маленький кусочек земли и вынесла его на поверхность моря. Из этого кусочка выросла большая земля. А Моче-бо так и остался птицей. От него все остальные гагары произошли. Но гагара до сих пор помнит, что она раньше была человеком и даже пытается разговаривать с людьми”.*

Отсутствие селькупского мифа о нырянии выглядело странно на общем фоне нашей гипотезы, и именно подобная архаичная версия типа МНП₂ была здесь в высокой степени ожидаема (Напольских, 1991, с. 95, 133).

Равным образом предсказуемым было обнаружение МНП у эвенов (Роббен, Дуткин, 1978, с. 156-158), поскольку вхождение тунгусов в САМС почти не вызывало сомнений:

“Гагара достала со дна моря еле видимую на глаз пылинку глины и положила на ладонь парня. «О, как можно из такой пылинки создать землю?» – подумал он. Бог кончиком пальца взял пылинку глины и положил на левую ладонь. Видит парень, что пылинка глины на ладони Бога уже стала комочком величиной с желудок белки. Положил этот комочек на край плота. Оглянулся парень, видит, комочек стал величиной с копыто оленя. А вечером уже стал величиной с желудок лося. Видит: утром его плот стоит, причаленный к берегу острова”.

Таким образом, судя по всему, МНП₁ у эвенов Магаданской области и севера Камчатки фиксируется. Сложнее с другой версией эвенского мифа, представленной в той же статье – публикация не позволяет точно утверждать, о чём всё-таки идёт речь в мифе:

“Земли не было. Эвены плавали на плоту по морю. Ловили рыбу удочкой, ставили петли на уток. Однажды они поймали гуся и отпустили его. Гусь стал пригонять уток на их петли. Поймали гагару. Гагара обещала достать ком земли со дна моря. Поймали ворона, но по его просьбе отпустили. Трижды доставала гагара ком земли со дна моря, но каждый раз ворон заставлял гагару ронять ком земли обратно в море. В конце концов, людям помогает шаман неба”.

Далее в публикации сказано: “Земля была образована ради людей небесным шаманом, который превратил в землю маленький комочек глины, доставленный гагарой по его просьбе. А гусь не смог сделать это”.

Если допустить, что здесь подразумевается неудачная попытка ныряния гуся (что, однако, не упоминается в предыдущем абзаце и, следовательно, вероятнее всего, не так), то перед нами мог бы оказаться весьма своеобразный вариант МНП₂ – с успешно ныряющей гагарой и неудачей птицы класса «уток». Такой миф был бы вполне ожидаем именно на востоке Сибири, где образ гагары постепенно приобретает положительный оттенок в отличие от амбивалентно-отрицательного, соответствующего «классическим» уральским МНП₂ на западе (Напольских 1991, с. 86-88); показательны в плане «восточной» окраски эвенского мифа и участие в нём ворона – ведущего персонажа мифологии северо-востока

Сибири и северо-запада Америки, выступающего в качестве участника творения и в мифах о нырянии у индейцев Калифорнии.

Вообще же представленность МНП, чаще всего – в наиболее простом варианте МНП₁, что опять-таки было наиболее предсказуемо в рамках нашей старой гипотезы о вероятном маргинальном вхождении пратунгусо-маньчжуров в САМС (Напольских, 1991, с. 107), у тунгусо-маньчжурских народов российского Дальнего Востока оказалась достаточно хорошей, и автор специального исследования, посвящённого этой теме склонна считать МНП одним из древнейших исконных тунгусо-маньчжурских космогонических сюжетов (Шаньшина, 2000: 29).

Наши материалы пополнились и в части мифологии тюрков Поволжья и Предуралья. Наличие у них каких-то вариантов МНП, прежде всего – заимствованных из русской народно-христианской традиции, с одной, и от финно-угорских групп, вошедших в состав чувашей, татар и башкир, с другой стороны, было в высшей степени ожидаемо, но конкретными данными мы не располагали.

Особый интерес представляет башкирский миф. Опять-таки, опубликованный текст, к сожалению, выглядит как результат литературной обработки, что порождает сложности в его использовании, но, поскольку он весьма интересен, стоит привести его целиком:

“В очень и очень давние времена вся поверхность земли была покрыта водой. И вот однажды над той неоглядной и необозримой водной поверхностью без границ и берегов появились две утки. Долго плавали они по бескрайней воде, стараясь отыскать местечко, где можно было снести яичко, но не смогли найти даже клочка земли величиной с пригоршню. Не зная, что предпринять, стали они нырять, из чего можно предположить, что то были утки-нырки. То ли со дна, то ли ещё как начали они извлекать на поверхность воды кусочки ила. Одна ил держит под крылом, прижав к телу, другая – приносит ей всё новые и новые кусочки. И вот из добытого ила образовалось нечто твёрдое. Утка-матка стряхнула на него свой пух и мягкие перья и свила из них гнездо. Затем снесла в то гнездо яички и села на них выводить утят. Пришёл день, и из яичек вылупились утята, размножились и тоже стали из ила лепить себе гнёзда и выводить утят. И стало тех гнёзд великое множество. Слепившись вместе, они образовали нечто вроде острова. Утки же всё выносили подводный ил, и остров их ширился да увеличивался, пока подводной своей частью не встал прямо на дно. Так образовался среди бескрайней воды остров. Тесно стало уткам, разлетелись они по сторонам и в других местах стали строить новые острова. Вот так и сотворили утки землю, вынося комочки ила и слепляя их в острова и большую земную твердь. Почему, вы думаете, из утино зоба выходит ил и разные камешки? Да именно потому, что издревле утки выносили их на поверхность из-под воды. Иногда утки проглатывали всё это, и тогда камешки, песок и ил откладывались в их желудках. Вот так из утино ила была сотворена наша земля” (Башкирское народное творчество, с. 30-31).

Обращает на себя внимание отсутствие чудесного в этой истории, сюжет выглядит этаким попыткой рационального объяснения возникновения земли. Подобные сюжеты о постепенном возникновении земли из кусков твёрдой субстанции разного происхождения, плававших на поверхности вод были, видимо, широко известны в нивхской мифологии, в частности, в одном из них речь идёт о синицах, собравших разные вещи, плававшие на поверхности моря, после чего на этом островке выросла земля, на которую с неба упали звери и птицы (Крейнович, 1929, с. 81-83). Башкирский МНП особенно напоминает не известную, видимо, Е. А. Крейновичу нивхскую версию о возникновении земли, где ныряние, впрочем, также отсутствует:

Утка-чирок или широконосок хотела снести яйцо на поверхности первичных вод, но не было места. Тогда она, нащипав перьев из груди, сделала на воде гнездо, снесла яйца и вывела потомство. Её отпрыски продолжили так же делать гнёзда на поверхности вод, гнёзда соединились в остров, на нём появилась растительность, почва, и так возникла земля (Легенды и мифы, с. 288).

Едва ли башкирский и нивхский сюжеты непосредственно связаны друг с другом. Возможно, в обоих случаях перед нами – периферийные версии МНП, переосмысленные в духе «рационализма»; во всяком случае, башкирский миф сохранил идею ныряния. С другой стороны, наличие в башкирском мифе двух уток, по-разному ведущих себя в процессе творения, наводит на мысль о возможной реминисценции МНП₂, ожидать сохранения реликтов которого у башкир можно было, учитывая их вхождение в их состав угорских (протовенгерских) групп. У венгров, как это отмечалось в (Напольских, 1992, с. 142), МНП₂ как таковой не зафиксирован, имеются только обычные для Балкан сюжеты с теоморфным ныряльщиком. На возможность существования МНП₂ с двумя утками в ранней венгерской традиции указывает анализ изображений на венгерских фалерах IX в. (Alföldi 1969) – см. рис. 2. Данное изображение – если предположить, что образ орла исчез под влиянием более поздних представлений о божестве-творце – вполне может быть иллюстрацией и к башкирскому мифу.

Замечательны три чувашские версии МНП₁, в которых за землёй ныряют «маленькая птичка», утка и два голубя (Станьял, 2004, с. 29-30) – в силу отсутствия в них божественного демиурга они сильно отличаются от обычных восточноевропейских апокрифических легенд о творении и сближаются скорее со своеобразными мифами коми. С другой стороны, у чувашей имеется и «нормальный» апокрифический рассказ с ныряющим по приказу бога дьяволом, мотивом утаивания земли и т. п. (Станьял, 2004, с. 25). Поскольку этот сюжет записан в XIX веке, а три упомянутых выше – в конце XX, не исключено, что эти три чувашских МНП₁ являются результатом развития старой апокрифической традиции в советское время, и образ теоморфного творца и ныряльщика в них исчез вследствие общей деградации христианской традиции. Однако, появление в мифе птиц и в том числе утки едва ли случайно, и скорее всего указывает на старое присутствие МНП в чувашской традиции.

О старом присутствии МНП в традиции поволжских тюрков свидетельствует и фиксация весьма лапидарного, также не содержащего образа божественного демиурга МНП₁ в казанско-татарском фольклоре (Гыйләжетдинов, 1987, с. 232).

От чувашских и казанско-татарского МНП отличаются сибирско-татарские (Уразалеев, 2004а, с. 73-76; 2004б, с. 6):

(Тевризский район Омской области) В изначально существовавшем огромном водном пространстве плавали две утки. Одна из них решила сотворить землю из ила (в другом варианте из глины). Вторая нырнула и со дна принесла ил в клюве. Первая утка стала разбрасывать его по воде и появилась земля. Вторая утка, выйдя на сушу, стала разбрасывать камешки и появились горы.

(Тарский район Омской области) Верховный бог Тэнри послал свою птицу Лебедя достать со дна моря землю. Лебедь это сделал. Когда Земля образовалась, поселил на ней Тэнри вначале (злых) духов. Они не слушались его и он прогнал их в дремучие леса. Потом из глины он создал первых людей. А лебедь стал священной птицей.

В первом случае перед нами сюжет, весьма напоминающий башкирский, и, возможно, восходящий к МНП₂, во втором – довольно редкий случай с нырянием лебедя. Оба сюжета несводимы к восточноевропейским апокрифам и могут отражать либо архаичные тюркские версии, либо – что кажется мне более вероятным – восходить к традициям угорских или самодийских групп, вошедших в состав сибирских татар.

В целом картина распространения известных нам МНП в Евразии представлена на рис. 3. Вновь появившиеся данные, таким образом, подтверждают в целом основные тезисы сформулированной более десяти лет назад гипотезы о генезисе МНП и этноисторической подоплёке его распространения в Евразии.

Наши американские материалы с тех пор также существенно пополнились – частично благодаря подвижнической работе Ю. Е. Берёзкина, каталог которого (Берёзкин, б. г.) в части мифа о нырянии за землёй уже перекрывает по объёму известный нам ранее в рукописи тезаурус Анны-Биргитты Рут (опубликованную краткую версию см. (Rooth, 1957),

особенно – карта на с. 500). Данные по Америке представлены на рис. 4. Здесь также в целом подтверждаются сделанные ранее наблюдения. Прежде всего, южнее территории США миф о нырянии за землёй в сколько-нибудь релевантном виде практически не зафиксирован: есть пара версий у сери, живущих на крайнем северо-восточном побережье Калифорнийского залива и принадлежащих в культурно-историческом плане миру пенути и хока-язычных индейцев Южно-Центральной Калифорнии, хотя принадлежность языка сери к семье хока не доказана (Campbell, 1997, с. 160). Остальные пять сюжетов, попавшие в тему в каталоге Ю. Е. Берёзкина часто просто не содержат мотива ныряния (речь идёт о разрушении запруды, вызвавшей потоп), а самое главное – разбросаны на огромной территории от Мексики до Амазонии, не образуют ареала и крайне невыразительны. В целом вывод об отсутствии мифа о нырянии южнее территории США проверку временем выдерживает.

Расширение американских материалов позволяет весьма чётко выделить следующие ареалы, достаточно хорошо связанные с определёнными этнолингвистическими общностями – в достаточной степени эти наблюдения опять-таки совпадают со сделанными в моих ранних работах.

В субарктической и таёжной зоне (преимущественно у алгонкинов и атапасков) закрепился сюжет с последовательно ныряющими бобром, выдрой и ондатрой и успехом последней (победа самого слабого ныряльщика – основная идея МНП₀). Важно, что у алгонкинов, живущих дальше от алгонкинской прародины (Siebert 1967) и, вероятно, раньше её покинувших (арапахо и гровантры, шейены, черноногие) фиксируются мифы, в которых принимают участие уже птицы. Часто в этих сюжетах присутствует и черепаха, служащая опорой земли, или ныряющая вместе с птицами, что сближает их с некоторыми алгонкинскими и, в особенности, ирокезскими мифами восточной части региона Великих Озёр, а также с мифами калифорнийских индейцев. Важно при этом, что птицы здесь именно приносят землю, что отличается от ситуации, например, в некоторых сюжетах у оджибва, коюкон, кучинов и др., где птица (обычно – гагара) просто механически добавляется к неудачливым ныряльщикам (обычно – бобру и выдре), и не становится главным участником творения. Птицы приносят землю не только у степных алгонкинов, но и в некоторых других периферийных сюжетах алгонкино-атапаскского ареала мифов о нырянии зверей: у делаваров, каска, бивер, чипевайян, йеллоунайф. Такая картина может интерпретироваться как результат относительно позднего (вероятно, около двух тысяч лет назад) инновационного сложения типичного алгонкино-атапаскского мифа с ныряющими бобром, выдрой и ондатрой в центрально-западной части региона Великих Озёр и к северу от него на базе более архаичных вариантов мифа о нырянии за землёй, в которых присутствовали разные ныряльщики, в том числе – и птицы. Примерно в том же центре сложился, видимо, цикл мифов о культурном герое и трикстере-кролике (Ненабожо у оджибва), с которым (эпизод с потопом, во время которого Ненабожо спасается) связан и алгонкино-атапаскский миф о нырянии зверей.

С другой стороны, однако, наличие весьма ярких и образующих очевидное скопление совершенно аналогичных алгонкино-атапаскским сюжетам мифов о нырянии зверей в штате Вашингтон (преимущественно – у сэлишей) не позволяет рассматривать этот сюжет как исключительно поздний и восточный. Не исключено, что он появился у предков алгонкинов ещё до их переселения на восток, в район Великих Озёр – если принимать гипотезу об алгонкино-ритванской прародине в бассейне реки Колумбия с последующим вытеснением предков алгонкинов сэлишами. В таком случае распространение мифа о нырянии бобра, выдры и ондатры у атапасков и сэлишей могло быть обязано протоалгонкинскому (или алгонкино-ритванскому? – к сожалению, у вийот и юрок миф о нырянии не зафиксирован) влиянию.

На севере Центральной Калифорнии (у ряда групп калифорнийских пенути) и спорадически в других регионах успешным ныряльщиком стала черепаха, а в районе Великих Озёр (в особенности у ирокезов) – лягушка или жаба, приносящая землю по указанию черепахи ей на спину. Оба эти случая представляют собой, вероятно, результат

независимого сочетания двух широко известных в Северной Америке древних мифологем: мифа о нырянии за землёй и представления о черепахе как опоре земли. Предполагать какие-то специальные связи между ирокезским и калифорнийским ареалами особых оснований нет.

Ещё в двух регионах – на севере Великих Равнин (в основном у сиу и западных алгонкинов) и в Центральной Калифорнии (у калифорнийских пенути и их соседей) в роли ныряльщиков выступали, как и в евразийских МНП, водоплавающие птицы. Отдельные реминисценции ныряния птиц имеются к северу от Калифорнии, но настоящий МНП зафиксирован там, видимо, только у квакиютлей-неветти. МНП в Америке, конечно, не обязательно должны рассматриваться как архаичные, выбор именно птиц среди других ныряльщиков мог произойти независимо и на американской почве. Обращают на себя, однако, внимание два обстоятельства. Во-первых, как уже отмечалось, именно птицы выступают в качестве ныряльщиков на окраинах алгонкино-атапаскского ареала, которые либо не были охвачены инновацией (миф с ныряющими зверями – см. выше), либо испытали воздействием местных субстратов – оба варианта предусматривают именно «птичьи» сюжеты как более архаичные. Во-вторых, важно, что и в Калифорнии, и в прериях, и на востоке Великих Озёр, и даже в самом южном из североамериканских мифов о нырянии, у мексиканских сери, птицы выступают совместно с черепахой; едва ли такое систематическое соединение черепахи и птиц в Америке можно объяснять только случайностью. Интересно, что, хоть и спорадически, но черепаха (или лягушка – как у эвенков-орочонов) встречается и в северноевразийских МПН – и не только у народов Центральной и Южной Азии (см. также ниже), где можно предполагать влияние индийских представлений о черепахе, на которой покоится суша, но и, например, у румынов (Beza 1928, с. 122-123) (здесь, впрочем, тоже можно подозревать индийское влияние – через цыганское посредство).

Наконец, на юго-востоке США зафиксировано несколько сюжетов с ныряющим за землёй членистоногим (рак, креветка, жук) без возможности чёткой привязки к какой-либо этноязыковой группе (южные ирокезы, мускоги, ючи – ?). Несмотря на явную маргинальность и немногочисленность этих версий, они представляют интерес в том смысле, что здесь перед нами вновь пример интригующего параллелизма в ареальном распределении вариаций мифа о нырянии за землёй в Евразии и Америке. В Старом Свете также имеется как минимум несколько вариантов с достающими землю членистоногими или червями, и они распространены на юге, отдельно от северноевразийских. Это обстоятельство требует, мне кажется специального рассмотрения, какового не было проделано в моих предыдущих работах.

Все напоминающие МНП сюжеты из Южной и Юго-Восточной Азии в каталоге Ю. Е. Берёзкина (насколько эта подборка исчерпывающа – отдельный вопрос, но ничего более полного у нас в распоряжении нет; большинство этих сюжетов было известно ещё О. Денхардту в начале XX века (Dähnhardt 1907), что, вероятно, заставляет предполагать необходимость дальнейших поисков) могут быть разделены на три группы:

1. Гигантское членистоногое (краб, рак, креветка) (редко – черепаха, она появляется, видимо, вследствие влияния сюжета о черепахе как опоре земли и вследствие отнесения в большинстве фольклорных традиций черепахи, лягушки, жабы, рака, краба к одному классу существ), достающее клешнями (/ лапами) до неба и / или до дна моря (/ до подземного мира) добывает землю со дна моря. – Зафиксирован у мунда Ориссы и Мадхья-Прадеша (бхумия (бхумидж) и байга, саора (сора), агария); у центральных дравидов (гонды, можно предполагать мунда субстрат), причём у гондов и агария имеет место соединение сюжетов 1 и 2.

Ныряния здесь изначально, по сюжету – нет, оно и не нужно. Основной персонаж чужд мифам о нырянии Северной Азии. Добыча земли носит не чудесный характер (маленький кусочек, который вырос), в принципе землю могут вообще поднять, вытянуть как готовую твердь или кусок тверди. С этим сюжетом, возможно, связана распространённая в этом же ареале тема о пауке, плетущем паутину между небом и землёй. Появление

параллелей в Америке (рак, черепаха, лягушка – при этом никак не гигантские, а вполне обычные, даже напротив – в соответствии в основной идеей мифа о нырянии – маленькие животные) скорее всего с этим не связано, т. к. там и сам персонаж, и его функции совсем другие.

2. Червь (морской червь / пиявка), добытый из грязи / из моря / со дна моря (последнее – совсем не обязательно), содержит в себе землю (чаще всего – сохранившуюся в нём с допотопных времён, либо проглоченную им), которую из него выдавливают / он срыгивает. – Зафиксирован у мунда (бирхоры Джаркханда, собственно мунда (мундари), санталы, бонда (ремо), байга, агария) – здесь нередко в сюжете имеет место ныряние либо самого червя на дно, либо – чаще – ныряние за червём или добывание его иным способом; у центральных дравидов (гонды) – здесь (и у агария) часто сюжет соединён с сюжетом 1; у тибето-бирманцев Ассама (микир (карби)), мон-кхмеров (семанги Малайзии) – у двух последних групп ныряния нет, экскременты червя просто падают сверху; у малайско-полинезийских групп (каян на северо-западе Борнео) – здесь из экскрементов червя возникла не вся суша, а только почва.

Персонаж чужд мифам Северной Азии. Речь идёт, возможно, не о сотворении мира, а восстановлении после катастрофы (червь проглотил землю) или о сотворении не суши, а плодородной почвы (в Юго-Восточной Азии). Способ творения иной, нежели в МНП. У микир, семангов и каян сюжет вообще решительно отличается от сюжета мундаязычных народов. Реально ныряние за землёй упомянуто у бирхоров, собственно мунда (мундари), санталов (черепаха или рыба, краб ныряют неудачно, а пиявка приносит землю) – этот вариант сюжета является единственным на юге Азии, который реально можно хоть как-то сопоставлять с северноевразийскими МНП и мифами о нырянии американского юго-востока. Показательна и этническая принадлежность носителей этого варианта – все они принадлежат к языковой группе мунда, в составе гондов также можно предполагать наличие мундаязычного субстрата. Важно только, что основная черта как североазиатских, так и американских мифов о нырянии – подчёркиваемый успех самого слабого ныряльщика – здесь ещё не выражена, мифы носят достаточно натуралистический характер.

3. Кабан (Праджапати в виде кабана Эмуша в Шатападха-Брахмане), живший среди первичных вод достаёт землю клыками со дна / приносит землю на щетине, вывалявшись в грязи / на дне / в нижнем мире. – Встречается уже в самых ранних брахманах (Шатападха-Брахмана, XIV), в фольклоре зафиксирован у мунда (дидаи (гатак), бонда (ремо), у центральных дравидов (койя, гонды (мария)), судя по тексту и ономастике, сюда сюжет проник из брахманистической литературы.

Способ добычи и творения земли не тот, что в МНП. Персонаж абсолютно чуждый северноевразийским мифам. Кабан в любом случае – не водное животное, поэтому речь идёт скорее всего не о первичном океане, а о среде типа болота, трясина, хаоса в виде жидкой грязи. Ныряние здесь не обязательно (и кабан – если переводы верны – не ныряльщик вообще). В принципе, появление ныряния за землей в ранней брахманистической литературе можно относить на счёт мундаязычного субстрата в культуре ведических ариев, а замена ныряльщика на кабана – символ мужской мощи и силы – могла произойти в арийской среде.

Помимо этих трёх мифологем в каталоге Ю. Е. Берёзкина имеется ещё только три мифа, которые формально могут быть причислены к рассматриваемому здесь мотиву: во-первых, у гаро Ассама (тибето-бирманская группа) крабы ныряют на дно первичного океана неудачно, землю приносит жук, и у шанов (тайская языковая семья) за землёй ныряют муравьи. В материале о мифе гаро нет указания, о каком жуке идёт речь – не исключено, что имеется в виду навозный жук, как, например, у семангов, где он добывает землю среди вод или из грязи – то есть не обязательно нырянием. Шанский сюжет выглядит вовсе странно: муравьи (если, опять-таки верить переводу!) во всяком случае не являются водными, ныряющими животными. Поэтому эти два сюжета с нырянием за землёй весьма сомнительны, не образуют ареала, и не могут приниматься во внимание в нашем исследовании. Третий сюжет – миф даяков, в котором две мифические птицы извлекли из

вод по комочку тверди, из которых были созданы небо и земля не содержит прямого указания на ныряние, а сотворение неба из добытого куска земли – идея абсолютно чуждая и северноевразийским и американским мифам о нырянии за землёй.

Таким образом, если некоторые из записанных у мундаязычных народов мифов (см. о сюжете 2 выше) как-то сопоставимы с северноевразийскими и американскими, то можно очень осторожно предположить, что древнейшие версии мифа о нырянии с участием любых животных (скорее – членистоногих, червей, черепахи) присутствовали на юге Азии скорее всего у каких-то австроазиатов (но отнюдь не обязательно возникли именно там – вполне может быть, что они были занесены с севера), скорее – именно у предков мунда. В таком случае наиболее вероятно, что связующей областью между югом Азии и Сибирью, через которую происходил обмен сюжетами (независимо от того, шли эти сюжеты с юга на север или наоборот) была территория современного центрального и восточного Китая, где ещё в рамках культуры Яншао (V (?) или начало IV – начало III тыс. до н. э.) начинается сплавление австроазиатского (бассейн средней Янцзы, а возможно – и до Хуанхэ в среднем её течении – ?), австронезийского (восток Китая от Фуцзяни до Шаньдуна, нижнее течение Янцзы и Хуанхэ – ?) и сино-тибетского (движение с запада вниз по Хуанхэ – ?) населения, а также, возможно, и многих неизвестных нам этноязыковых групп. При этом в керамике живших в среднем течении Хуанхэ создателей комплексов типа мяодигоу, мацзяо и баньпо (ими вполне могли быть какие-нибудь австроазиаты или опять-таки группы неизвестной языковой принадлежности) имеются многочисленные изображения лягушек, рыб и включающие их любопытные композиции, которые имеет смысл рассмотреть подробнее на наш предмет. Вероятно, определённый интерес могут представлять дальнейшие поиски реминисценций мифа о нырянии за землёй в Китае, причём как у китайских национальных меньшинств, в особенности австроазиатов вроде мяо и др., так и у ханьцев разных групп, в древних источниках эпохи позднего Чжоу, на Тайване, может быть даже на о-вах Рюкю.

Если принимать версию о наличии на юге Азии архаичных мифов о нырянии за землёй и об их древней генетической связи с североазиатскими и американскими, мифы с добывающими землю членистоногими на североамериканском юго-востоке можно было бы рассматривать как подобные же архаизмы, сохранившиеся на окраине американского ареала мифа о нырянии. В этом случае, однако, придётся предполагать, что миф о нырянии проникал в Америку по крайней мере дважды – сначала в виде ранних версий с членистоногими (и, возможно, черепахой, червями и т. п.), а затем – в виде более «продвинутого» МНП₀ с его идеей об успехе самого маленького, но наделённого сверхъестественной силой ныряльщика и, вероятно, с птицами в основной роли. Принципиальных возражений против такой возможности я не вижу.

Ещё один аспект проблемы, требующий определённого пересмотра и возможной корректировки – истоки и эволюция европейских МНП. Распространение мифа о нырянии за землёй в Европе ограничено народами, входящими в православный славянский мир (русские, болгары, украинцы, белорусы, сербы, румыны, карелы, коми, мордва и др.) либо их непосредственными соседями, также испытавшими влияние этого культурного ареала (венгры, литовцы, латыши, финны и др.). Большинство восточноевропейских версий при этом представляют собой народно-христианские дуалистические легенды о сотворении мира, в которых действующими лицами выступают бог и его помощник-соперник, иногда принимающие орнитоморфный облик. Древнейшие фиксации таких легенд (с тео-/антропоморфными ныряльщиками) происходят из Болгарии и принадлежат кругу (пост)богомильских дуалистических апокрифов («Сказание о Тивериадском море»). Вероятно, уже в X-XIV вв. они могли быть весьма популярны на Руси. Поскольку орнитоморфные ныряльщики появляются на северной и северо-восточной периферии распространения этих легенд (у северных русских, у их финно-угорских и балтских соседей и у некоторых сибирских народов, в достаточной мере испытавших влияние русского народного христианства – см. рис. 3), ранее я высказал предположение, что появление мифа

о нырянии в Восточной Европе связано прежде всего с финно-уграми, от которых данный сюжет был уже в раннем средневековье заимствован славянами, получил распространение в их среде и, пройдя трансформацию в плане замены орнитоморфного ныряльщика тео-/антропоморфным, вошёл в народно-христианскую православную традицию – прежде всего на Балканах, и «вернулся» в таком виде на север, где был вторично заимствован многими финно-уграми от русских. Сюжеты же с орнитоморфным либо принимающим форму птицы ныряльщиком у северных русских и финно-угров рассматривались в рамках этой гипотезы как наследие дославянской северноевразийской традиции (для Восточной Европы – прежде всего финно-угорской). Позже данная гипотеза была в основном принята и использована автором замечательного исследования, посвящённого народно-христианским дуалистическим легендам и, в частности, и этому мифологическому мотиву [Кузнецова 1998].

Однако, сегодня эта гипотеза не может рассматриваться как единственно возможная интерпретация имеющихся фактов. Слабым её местом является идея о распространении мифа о нырянии от восточных славян к южным и включении в среде последних в апокрифическую традицию: обычно культурные влияния, тем более – в религиозной сфере – шли в прямо противоположном направлении. Следует принимать во внимание альтернативное объяснение, которое представляется мне по крайней мере равно возможным и обоснованным. Состоит оно в том, что в свете изложенных выше фактов о широком и древнем распространении МНП в Северной Азии, исключительно уральская перспектива происхождения этого сюжета в Европе едва ли выглядит правомерно. Если предположить, что фиксируемое письменными источниками распространение апокрифов, содержащих сюжет о нырянии за землёй с Балкан отражает реальных исток если не всех, то большинства таких сюжетов в фольклоре народов Восточной Европы, то вполне вероятной становится возможность того, что сюжет о нырянии попал к славянам южным или степным путём, и был принесён в Европу группами центральноазиатского происхождения, участвовавшими в великом переселении народов в гуннское и постгуннское время. Естественно, кандидатами на роль таких носителей МНП могут быть прежде всего тюрки-булгары – тем более, что в свете новых материалов (чувашские, татарская и башкирская версии МНП – см. выше) наличие у булгар этого сюжета можно предполагать. Однако, все имеющиеся тюркские версии мифа могут быть объяснены, например, и как происходящие от ассимилированного тюрками финно-угорского населения, и вопрос о наличии / отсутствии МНП у булгар во время их появления в Европе повисает в воздухе.

В качестве весьма вероятных кандидатов на роль распространителей МНП в Европе могут рассматриваться прежде всего авары. Во-первых – в связи с той ролью, которые они сыграли в славянизации Балкан, обязанной прежде всего сложившемуся в VI в. славяно-аварскому симбиозу. Тесные связи аваров и славян (прежде всего – предков южных славян) в военно-политической сфере не могли не иметь отражения и в сфере религиозно-мифологической. То обстоятельство, что сегодня эти вопросы остаются недостаточно раскрытыми, не отменяет существа дела: влияние аваров на (южных) славян в обозначенный период очевидно. Вопрос об этноязыковой принадлежности аваров также ждёт своего решения. Традиционное, *ad hoc* отнесение их к тюркам базируется на весьма шатких основаниях. Безусловно, уже в VII (после смерти кагана Баяна) и тем более в VIII-IX вв. доля тюркского (булгарского) компонента в составе аваров неуклонно росла, однако это не отменяет возможности иной этноязыковой принадлежности первоначального ядра аварского союза. В связи с этим интересна попытка тунгусо-маньчжурского прочтения Е. А. Хелимским надписи греческими буквами на золотой чаше из клада в Надь-Сентмиклоше в Венгрии, который принято считать аварским и датировать скорее всего первой половиной IX в. (Хелимский 2000). Данный вариант чтения надь-сентмиклошской надписи лучше имеющихся на сегодня «тюркских» версий, поскольку исходит из материала (однотипные окончания нескольких слов, интерпретируемых исходя из их места в тексте как

глаголы), а не из априорного предположения о принадлежности языка надписи именно тюркской группе с последующим подбором более или менее похожих слов.

Тунгусо-маньчжурская языковая принадлежность аваров (или по крайней мере господствующего ядра аварского союза) подтверждается и некоторыми другими языковыми фактами. Позволю себе остановиться только на одном таком дополнительном аргументе, не отражённом в работе Е. А. Хелимского. С достаточной степенью надёжности происхождение европейских аваров связывают жуаньжуанями, чьё государство (собственно, первый степной каганат, поскольку именно у них титул *каган*, в дальнейшем ставший популярным в тюркской среде, но не имеющий надёжной тюркской этимологии, фиксируется впервые) в V-VI вв. распространяло своё господство в степях Центральной Азии от Маньчжурии до Балхаша. Два наиболее распространённых варианта китайской передачи названия данного народа: 柔蠕 *róu-rǎn* (? / -*rán*) < среднекит. *ñuw-ñwjan[?] и 蠕蠕 *ruǎn-ruǎn* (? /*rán-rán*) < среднекит. *ñwjan[?]-*ñwjan*[?] поразительно сходны с широко распространённым у тунгусо-маньчжурских народов самоназванием, имеющим значение 'местные, земные': самоназвание нанайцев: *nānaj* ~ *nāni* / *nānu* ~ *nānhu* или ульчей *nāhī*.

Как было отмечено выше, сделанное ранее предположение о вхождении тунгусо-маньчжуров в состав древнейших носителей МНП в Евразии подтверждается новыми материалами. Таким образом, появление мифа о нырянии у славян можно связывать с эпохой славяно-аварского симбиоза в VI в., когда тунгусо-маньчжурский космогонический миф мог быть заимствован у авар славянами (замечу, что изображенная на рис. 2 фалера, могущая иллюстрировать архаичный вариант МНП, иконографически может быть интерпретирована как предмет не обязательно венгерского, но вполне возможно – аварского происхождения), у которых он позже вошёл в круг сюжетов «пост-богомильской» апокрифической традиции. В ходе распространения этой традиции наиболее архаичные версии данного сюжета (с участием ныряющей птицы или даже нескольких птиц) сохранялись на её периферии (прежде всего – у северных русских и у заимствовавших русские легенды финно-угорских народов), а в центре иррадиации традиции, там, где сильно было влияние собственно богомильской идеологии – на Балканах, у южных славян, украинцев и т. д. – постепенно преобладали переработки в христианском (богомильском) духе: птиц заменили Бог и Сатана, который сначала превращается в птицу и ныряет за землёй, а позже ныряет уже в антропоморфном обличье и т. д.; позже постепенно вытесняется и сам совершенно чуждый собственно богомильской традиции мотив ныряния. Интересно, что, например в западно-украинской традиции, мотив птицы, приносящей землю сохраняется опять-таки только на периферии, только на периферии не географической, а жанровой: в колядках, в то время как в более «серьёзных» текстах ныряльщик здесь уже повсеместно – антропо-, точнее теоморфный. Таким образом, наиболее архаичные сюжеты, пришедшие с Балкан, на севере Восточной Европы могли наложиться на присутствовавшие у местных финно-угров оригинальные версии МНП и образовать таким образом наблюдаемую картину (см. изложение этой гипотезы в (Напольских, 2008)).

Я не склонен настаивать именно на этой интерпретации материалов (исток европейских МНП – на Балканах, архаичность их северных версий вследствие отражения в них более ранней, добогомильской стадии развития мифа) и полностью отрицать обоснованную в ранних работах (распространение МНП с постепенной его деградацией от финно-угров к восточным славянам и оттуда – на Балканы с последующим возвращением сюжета в апокрифах на север), но, думается, изложенная здесь альтернатива должна приниматься во внимание.

Последний комплекс вопросов связан с развивающимися в последние десятилетия исследованиями в области молекулярной генетики и с использованием данных этой дисциплины в изучении этнической истории. Собственно говоря, именно развитие исследований в этой области и общение с коллегами-генетиками привели меня к решению о возможности возвращения к рассматриваемой здесь теме. Дело в том, что некоторые

результаты генетических исследований дали неожиданно хорошую корреляцию с предложенной мной гипотезой о распространении мифа о нырянии. Поскольку сравнительная мифология в любом случае имеет дело с гораздо более подвижным и менее подлежащим точному анализу материалом, чем, скажем, сравнительно-историческое языкознание, прежде я не видел возможностей для верификации своих выводов: во всяком случае всегда оставались возможности для альтернативных объяснений, как общих (например, случайное или стадияльно-типологическое сходство космогонических мифологий), так и частных. Обнаружение же совпадений в распространении рассматриваемых здесь сюжетов и определённых гаплогрупп, то есть параллельные результаты исследования совершенно независимых источников, – вкупе с возможностью построения исторической модели, объясняющей такие совпадения – даёт надежду на то, что сделанные на мифологическом материале выводы могут оказаться в достаточной степени надёжными.

Речь идёт о гаплогруппах Y-хромосомы, наследуемых по мужской линии. С распространением интересующих нас космогонических сюжетов совпадают распространение трёх таких гаплогрупп. Во-первых, это гаплогруппа N1c (по другой терминологии N3), которая, как предполагают генетики, возникла около 14 тыс. л. наз. в Сибири или в северо-западном Китае, и наиболее представлена у якутов, балтов, финно-угров и русских – см. рис. 5) и в особенности родственная ей N1b (= N2), возникновение которой датируют 8-6 тыс. л. наз. и помещают в Сибири или Вост. Европе, и которая наиболее представлена у самодийцев, финно-угров, сибирских эскимосов, тюрков, монголов и тунгусов (краткую справку о распространении данных и др. гаплогрупп можно найти, например, в английской Википедии: [http://en.wikipedia.org/wiki/Haplogroup_N_\(Y-DNA\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Haplogroup_N_(Y-DNA))); распространение данной гаплогруппы см. на рис. 6). Распространение этих гаплогрупп, их предполагаемый возраст и район возникновения в общем совпадают с тем, что предполагалось для древнейших вариантов МНП в Евразии (N1c) и специально для прауральского (или прауральско-тунгусского) МНП₂ (N1b). Отдельные исключения (эскимосы, например, у которых МНП так и не обнаруживается), вероятно, неизбежны, но общей картины не меняют.

В части распространения мифа о нырянии за землёй в Америке (а также, возможно, в Южной / Юго-Восточной Азии) обнаруживается ещё одна, ничуть не менее поразительная «генетическая» параллель – речь идёт о гаплогруппе C3, время возникновения которой датируется $11,9 \pm 4,8$ тыс. л. наз., и которая представлена у тунгусо-маньчжуров, монголов, тюрков, нивхов, юкагиров, а в Америке – у на-дене, шейенов и сиу ([http://en.wikipedia.org/wiki/Haplogroup_C3_\(Y-DNA\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Haplogroup_C3_(Y-DNA))); см. рис. 7). Данная гаплогруппа интересна ещё и тем, что истоки её следует связывать с другими субкладами древней гаплогруппы C, для которой в целом предполагается южноазиатский источник. Данное обстоятельство может соответствовать рассмотренному выше наличию некоторых архаичных мифов о нырянии в Южной и Юго-Восточной Азии (см. выше).

Таким образом, можно предположить, что миф о нырянии за землёй мог существовать в финальном палеолите у населения, потомками которого по мужской линии являются носители Y-хромосомных гаплогрупп N1b, N1c и C3. Носителей первый двух следует помещать скорее всего в Северной Азии и связывать с ними (с N1b в первую очередь) становление МНП₂, имевшее место у языковых предков юкагино-уральцев и тунгусо-маньчжуров, носители же гаплогруппы C3, вероятно, знали более архаичные версии мифа о нырянии, и именно их участию обязано распространение этого сюжета в Северной Америке и, возможно, в Южной Азии.

Возникают законные вопросы: как можно объяснить совпадение данных генетики и сравнительной мифологии? На каком основании можно предполагать, что распространение космогонического мифа шло параллельно с распространением определённого типа Y-хромосомы? Почему при этом не наблюдается столь же значительного параллелизма в распространении мифов и генетически родственных языков? Думается, дать предварительные ответы на эти вопросы можно. И связаны они будут именно с тем

обстоятельством, что в генетической части речь идёт об Y-хромосоме, о наследовании по мужской линии. Хорошо известно, что истории о сотворении мира, о начале земли, о потопе и героях или божествах, действовавших в мифические времена, принадлежали к сакральной части фольклора североамериканских индейцев, были известны по преимуществу мужчинам и передавались от отца к сыну. То же самое, однако, было характерно и для космогонических мифов аборигенов Сибири. Вот, например, как описывает способы их исполнения у манси величайший собиратель и лучший знаток мифологии и языка этого народа, Бернат Мункачи (данный комментарий предпослан именно к истории о сотворении мира, содержащей характерный мансийский МНП₂): “Священными (*jelpiŋ mōjt*) называются те сказания, в которых повествуется о важнейших предметах мансийской песенной и сказительской традиции: о возникновении земли и происходившем после этого обустройстве мира, о юношеских подвигах наиболее почитаемого божества, «Наблюдающего за миром мужа» <...> Поэтому такими повествованиями о лежащих в основе всего жизненного порядка древних событиях, сопровождалась обычно различные <религиозные> праздники. При этом бросалось в глаза сдержанное поведение и благочестивое внимание присутствующих, а также и внешние церемониальные проявления, выражавшиеся в том, что на стол помещали серебряные предметы (например, деньги), рассказчика угощали хорошей едой и питьём. Кроме того, когда начинались определённые места рассказа, женщины (по представлениям манси и хантов – менее чистые существа) удалялись из помещения, где шёл рассказ, а согласно более строгим представлениям – как сообщает Гондатти – они даже вообще не могли присутствовать во время исполнения” (Munkácsi 1892-1902, с. 175).

Таким образом, как видим, существовал своего рода механизм передачи космогонического мифа по мужской линии – что, естественно, до некоторой степени совпадало с наследованием Y-хромосомы. С другой стороны, хорошо известно и то обстоятельство, что «чужой» миф вполне может быть заимствован и пересказан на другом языке. По-видимому, эти причины лежат в основе парадоксального на первый взгляд параллелизма в дистрибуции одного из самых широко известных космогонических мифов Северного полушария и ряда специфических Y-хромосомных гаплогрупп.

Рисунки.

Рис. 1. Общая эволюция мифа о нырянии за землёй.

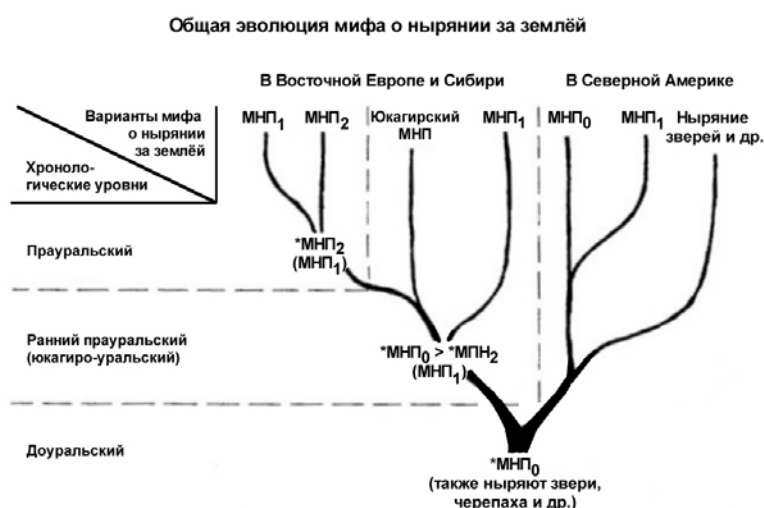
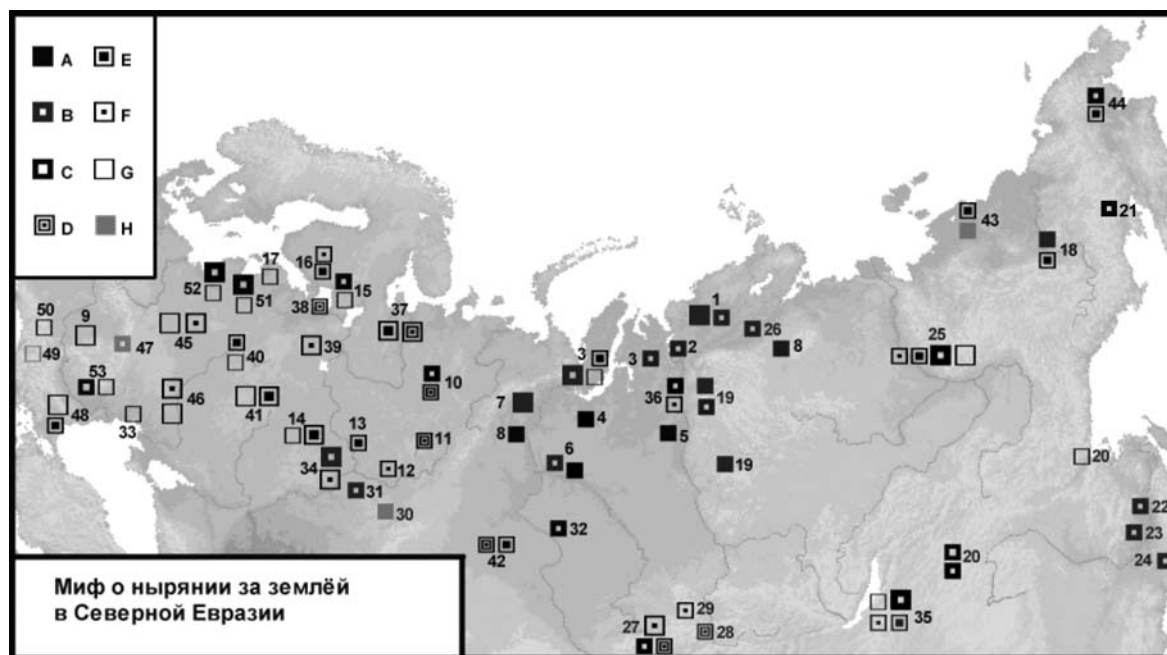

Рис. 2. Древневенгерская (IX в.) серебряная фалера с изображением, интерпретируемым как иллюстрация к венгерскому МНП₂ (Alföldi 1969).

Рис. 3. Миф о нырянии за землёй в Северной Евразии.

А – МНП₂, полная версия с двумя птицами (успешная «утка» – неуспешная гагара)

В – МНП₁, одна птица ныряет и приносит землю

С – за землёй ныряет лягушка или черепаха

Д – тео- или антропоморфный ныряльщик (или двое ныряльщиков) превращается в птицу или с самого начала предстаёт в виде птицы, ныряние в виде разных птиц по типу МНП₂.

Е – тео- или антропоморфный ныряльщик превращается в птицу или с самого начала предстаёт в виде птицы, ныряние в виде одной птицы по типу МНП₁.

Ф – тео- или антропоморфный ныряльщик не предстаёт в виде птицы, но приносит землю во рту.

Г – тео- или антропоморфный ныряльщик не предстаёт в виде птицы и приносит землю в руках.

Н (бледные знаки) – версии близкие к соответствующим А-Г, но так или иначе отклоняющиеся от «классических» МНП (ныряние не за землёй, ныряние не упоминается и т. п.)

Размер знаков отражает количество версий, записанных у данной группы (1-2 или 3 и более).

Цифрами обозначены народы и этнографические группы:

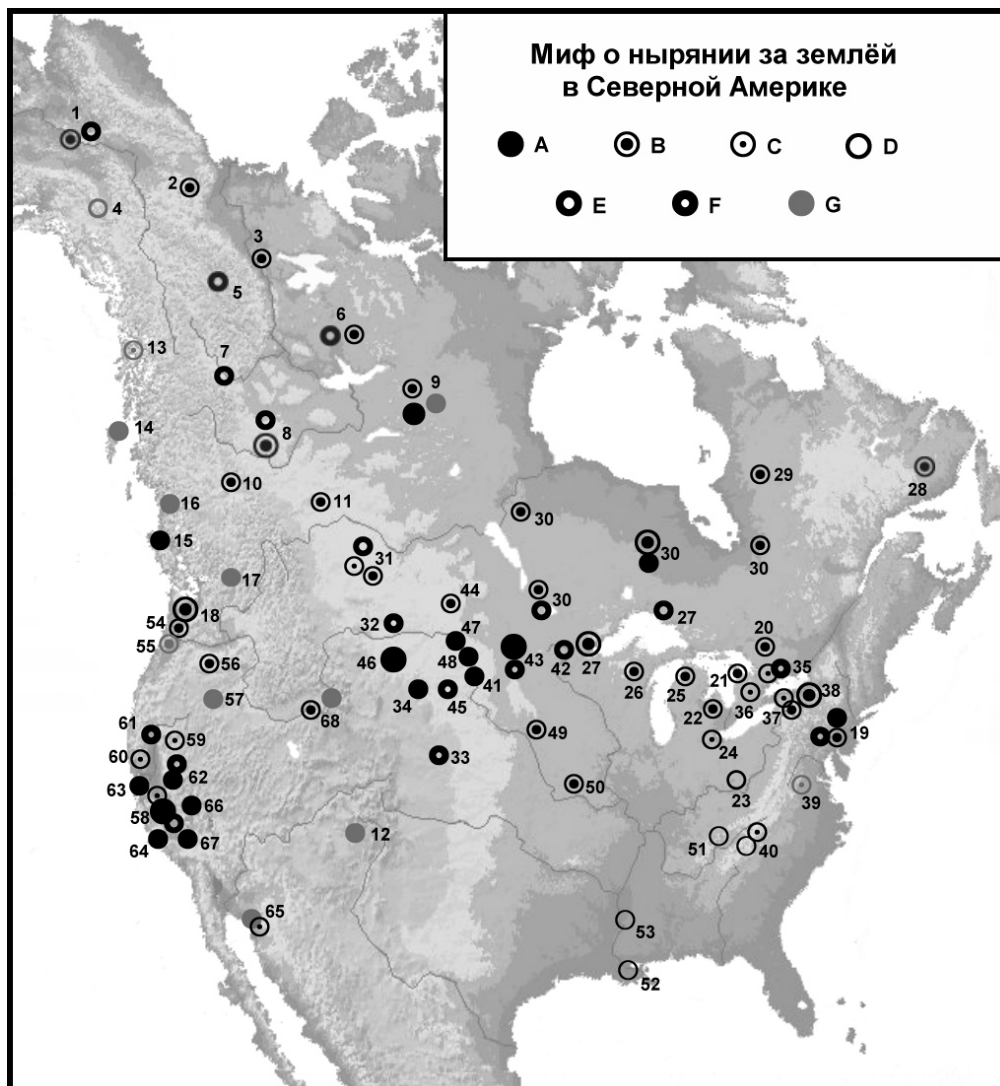
Урало-юкагирская семья: 1 – нганасаны, 2 – энцы, 3 – тундровые ненцы (Гыдан и Ямал), 4 – лесные ненцы, 5 – селькупы (северные), 6 – восточные ханты, 7 – северные манси, 8 – восточные манси, 9 – венгры, 10 – коми-зыряне, 11 – коми-пермяки, 12 – удмурты, 13 – марийцы, 14 – мордва (мокша и эрзя), 15 – карелы, 16 – финны («восточные»), 17 – южные эстонцы, 18 – колымские юкагиры.

Алтайская семья: 19 – западные эвенки, 20 – восточные эвенки (орочоны, конные, чумиканские), 21 – эвены, 22 – негидальцы, 23 – нанайцы, 24 – удэгейцы, 25 – северные якуты, 26 – долганы, 27 – алтайцы (алтай-кижи, куу-кижи), 28 – хакасы, 29 – шорцы, 30 – башкиры, 31 – казанские татары, 32 – сибирские татары, 33 – гагаузы, 34 – чуваша, 35 – буряты.

Енисейская семья: 36 – кеты.

Индоевропейская семья: 37 – северные русские (Архангельск), 38 – северные русские (Олонец, Заонежье), 39 – северные русские (Кострома, Вологда, Вятка), 40 – западные русские (Смоленск), 41 – центральные и южные русские (Тверь, Нижний Новгород, Рязань, Тула, Орёл), 42 – русские Западной Сибири, 43 – русскоустыинцы (Индиگیرка), 44 – русские-марковцы и чуванцы (Марково), 45 – белорусы, 46 – украинцы, 47 – западные (закарпатские) украинцы, 48 – болгары, 49 – сербы и черногорцы, 50 – словенцы, 51 – латыши, 52 – литовцы, 53 – румыны.

Рис. 4. Миф о нырянии за землёй в Северной Америке.

- A – за землёй ныряют водоплавающие птицы / (редко) одна птица;
  - B – за землёй ныряют звери (бобр, выдра, ондатра);
  - C – за землёй ныряет черепаха (в большинстве случаев) / лягушка или жаба (в районе Великих Озёр);
  - D – за землёй ныряет креветка / рак / жук;
  - E – за землёй ныряют и птицы, и звери;
  - F – за землёй ныряют птицы (реже – звери) и черепаха;
  - G (бледные знаки) – версии близкие к соответствующим A-F, но так или иначе отклоняющиеся от «классических» (ныряние не за землёй, ныряние не упоминается и т. п.)
- Размер знаков отражает количество версий, записанных у данной группы (1-2 или 3 и более).

Цифрами обозначены народы и этнографические группы (знаком вопроса обозначены народы, языки которых не обязательно относятся к указанной семье):

Семья на-дене: 1 – коюкон и кускоквим, 2 – кучины, 3 – хэйр и слэйв, 4 – верхние танана, 5 – йеллоунайф, 6 – догриб, 7 – каска, 8 – бивер, 9 – чипевайян, 10 – кэрриер, 11 – сарси, 12 – навахо, (?) 13 – тлинкит.

Хайда: 14 – хайда.

Вакашская семья: 15 – квакиютль (неветти).

Семья сэлиш: 16 – белла-кула, 17 – шусвап и томпсон, 18 – береговые сэлиш (верхние чехалис, тилламук, пьюджет-саунд).

Алгонкино-ритванская семья: 19 – делавары, 20 – алгонкин, 21 – оттава, 22 – саук и фокс, 23 – шауни, 24 – кикапу, 25 – потаватоми, 26 – меномини, 27 – оджибва (в том числе солто и чиппева), 28 – монтанье, 29 – наскапи, 30 – кри (разные группы), 31 – черноногие, 32 – ацина (гро-вантры), 33 – южные арапахо, 34 – шайены.

Ирокезская семья: 35 – гуроны, 36 – виандоты (гуроны ?, петун?), 37 – сенека, 38 – онондага, онейда, мохаук, 39 – тускарора, 40 – чироки.

Семья кэддо: 41 – арикара.

Семья сиу: 42 – санти (мдевакантон-дакота), 43 – (минитари и вахпетон) дакота, 44 – ассинибойны, 45 – тетон-лакота, 46 – кроу, 47 – хидатса, 48 – мандан, 49 – айова, 50 – квапо, (?) 51 – ючи.

Мускогская семья: (??) 52 – читимача, 53 – алабама-коасати.

Семья чинук: 54 – чинук, 55 – катламет.

Семья сахаптин: 56 – молала, 57 – модок.

Калифорнийская пенути семья: 58 – йокутс (разные группы), 59 – мивок, 60 – патвин, 61 – винту, 62 – майду.

Семья хока: 63 – помо, (?) 64 – салинан, (??) 65 – сери.

Юта-астекская семья: 66 – западные моно, 67 – тюбатулабаль и кавайсу, 68 – северные шошони.

Рис. 6. Распространение гаплотипа Y-хромосомы N1c (карта с сайта: <https://www.23andme.com/you/haplogroup/paternal/>).

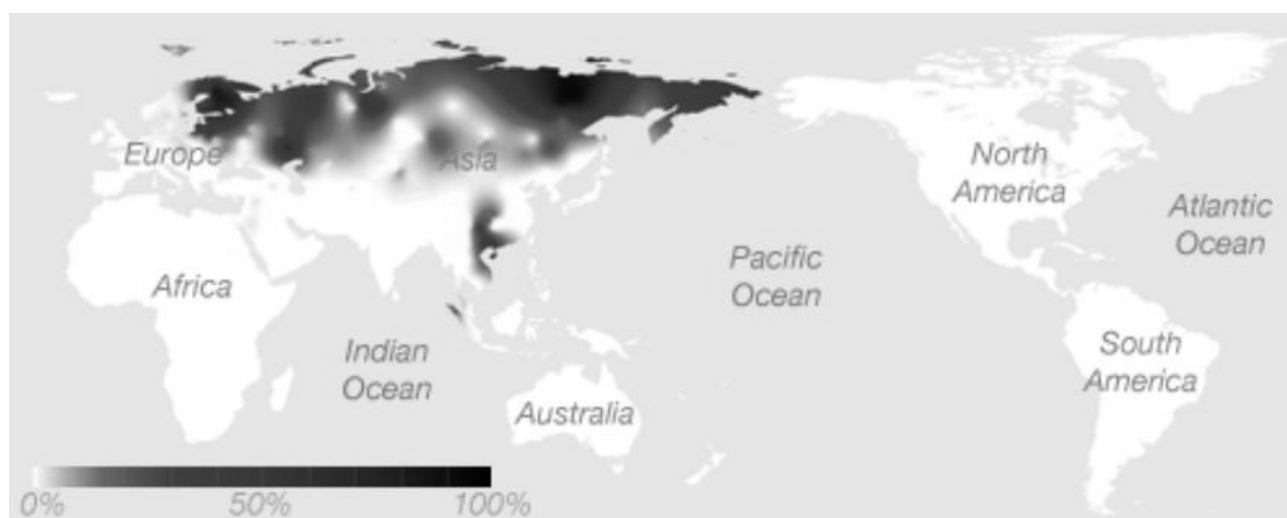

Рис. 6. Распространение гаплотипа Y-хромосомы N1b (карта с сайта: <https://www.23andme.com/you/haplogroup/paternal/>).

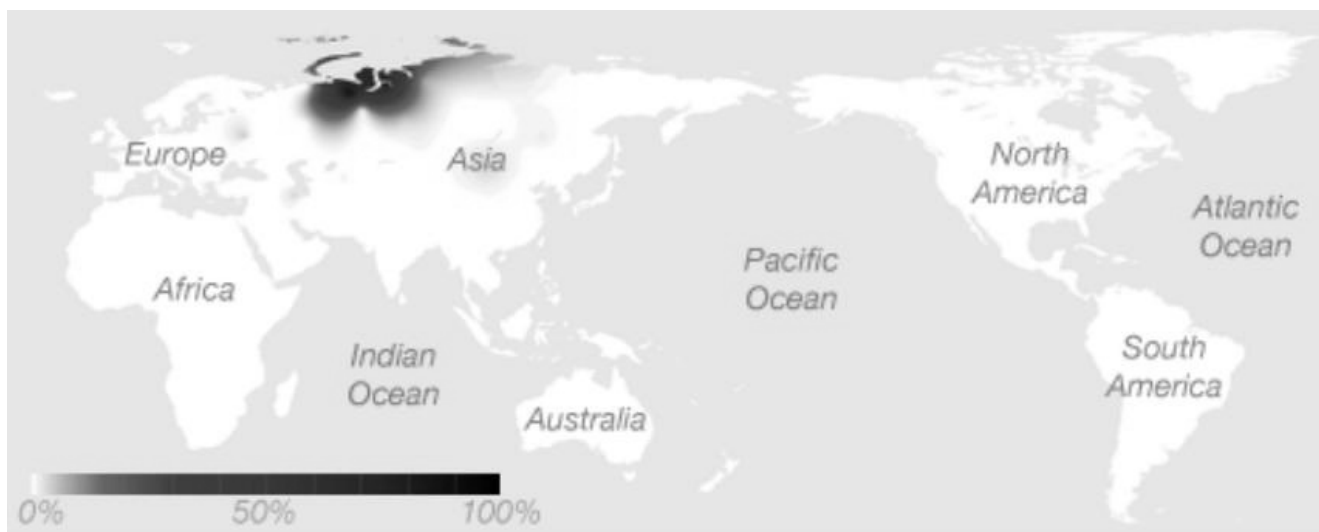
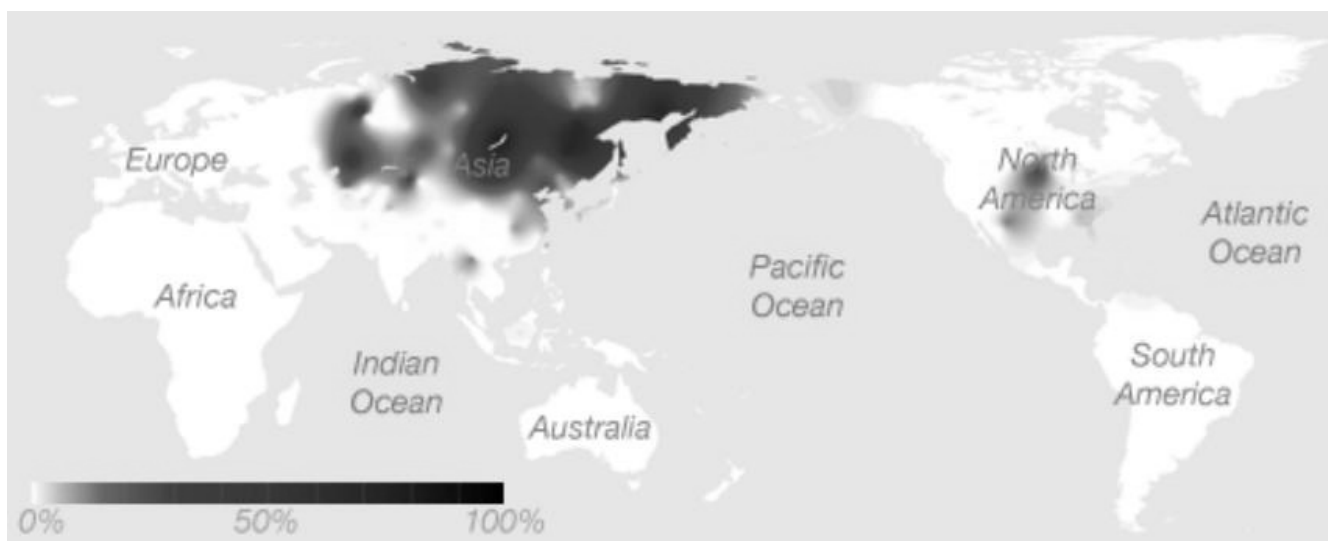

Рис. 7. Распространение гаплотипа Y-хромосомы C3 (карта с сайта: <https://www.23andme.com/you/haplogroup/paternal/>).

Литература.

Башкирское народное творчество. Том 2. Предания и легенды. Уфа, 1987.

Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог // Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>

Гыйләжетдинов С. М. (төз.). Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан, 1987.

Крейнович Е. А. Очерк космогонических представлений гилак о-ва Сахалина // Этнография, №1. Москва – Ленинград, 1929.

Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998.

Легенды и мифы Севера. Москва, 1985.

Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) / Материалы к серии "Народы СССР". Выпуск 5. Народы уральской языковой семьи. Москва, 1991.

Напольских В. В. Мотив о нырянии за землёй в балкано-славянской апокрифической традиции и ранняя история славян // *Этнология на пространството. Част 2.* София, 2008.

Пелих Г. И. (сост.). Мифология селькупов. Томск, 1998.

Роббен В. А., Дуткин Х. И. Миф о возникновении земли и человека в эвенском фольклоре // *Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Материалы Всесоюзной конференции фольклористов.* Якутск, 1978. (Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.indigenous.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=156>)

Станьял В. П. (ред.). Чăваш халăх пултарулахĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар, 2004.

Уразалеев Р. Космогонические представления татар Среднего Прииртышья и их отражение в фольклоре // *Народная культура Сибири: Материалы XIII научного семинара Сибирского РВЦ по фольклору.* Омск, 2004а.

Уразалеев Р. Мифологические представления сибиров о происхождении мира // *Татарский мир, № 8.* Казань, 2004б.

Хелимский Е. А. 2000. On probable Tungus-Manchurian origin of the Buyla inscription from Nagy-Szentmiklós // *Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи.* Москва.

Шаньшина Е. В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России. Опыт мифологической реконструкции и общего анализа. Владивосток, 2000.

Alföldi A. An Ugrian creation myth on early Hungarian phalerae // *American Journal of Archaeology, 73.* 1969.

Beza, Marcu. Paganism in Roumanian Folklore. London, Toronto, New York, 1928.

Campbell, Lyle. American Indian Languages. The historical linguistics of Native America. Oxford, 1997.

Dähnhardt O. Natursagen. Eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legenden. Band I. Sagen zum alten Testament. Leipzig – Berlin, 1907. (Режим доступа: <http://www.zeno.org/Märchen/M/Allgemein/Oskar+Dähnhardt%3A+Natursagen/1.+Band.+Sagen+zum+alten+Testament>)

Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. 1. kötet. Regék és énekek a világ teremtéséről. Budapest, 1892-1902.

Rooth A.-B. The creation myths of the North American Indians // *Anthropos, 52:3-4.* 1957.

Siebert F. T. The original home of the Proto-Algonquian people // *National Museum of Canada. Bulletin, 214.* Ottawa, 1967.